

ОГОНЁК

№ 38 СЕНТЯБРЬ 1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Тимирязев и Чехов

[Перечитывая новые издания]

Геннадий ФИШ

Вероятно, ни один ученый не был так тесно и так многообразно связан с художественной литературой, как Климент Аркадьевич Тимирязев. Блестящий стилист, он продолжал в научной литературе традиции Герцена, его изумительных «Писем об изучении природы».

Все выступления Тимирязева насыщены яркими примерами и образами из произведений любимых писателей, причем эти примеры служат не для украшения речи, не для орнамента, а для раскрытия самых сокровенных мыслей ученого. Даже вступительная лекция знаменитого труда «Жизнь растения» открывается стихами Грибоедова.

Короленко, который неоднократно с благодарностью подчеркивал, что он был учеником Тимирязева, создал пленительный образ этого ученого в «Истории моего современника» и в повести «С двух сторон». В последней он показал, как из спора с аудиторией о роли интеллигенции родились вдохновенные заключительные слова лекции о листе, в которых Тимирязев с таким блеском и подъемом использовал басню Крылова «Листы и Корни» и горькие строфы Некрасова.

Собеседник Льва Толстого и Тургенева, чуткий и требовательный не только к идейному замыслу, но и к литературному мастерству, Тимирязев сам оказывал огромное влияние на передовых писателей.

Он неустанно боролся за жизненную правду в искусстве. Даже в курсе лекций «Исторический метод в биологии» он воевал с прозяланиями формализма, буржуазного разложения в искусстве; борьба эта и сегодня актуальна.

«Когда на выставке (или все равно, в литературе), — говорил ученый, — останавливаешься с недоумением перед одним из тех незрелых произведений, которые принято обозначать опшлявшимся, ничего не объясняющим, термином декадентства, сецессионизма и пр. (или, например, экзистенциализма. — Г. Ф.), обыкновено слышишь в их защиту такой аргумент: должны же вы признать, что эти люди ищут новых путей в искусстве? — Но эта защита не равносильна ли прямому осуждению? Великие художники, конечно, также искали новых путей, но они сообщали миру только свои находки, а свои «искания» хранили в своих мастерских

или без жалости их уничтожали».

Когда ученый поделился этими мыслями с Львом Николаевичем Толстым, тот «с обычной своею меткостью ответил: «Ну, конечно, золото добывают промывкой».

Мысли Тимирязева о науке и искусстве всегда были близки учителю советских писателей Максиму Горькому, который, приглашая Климента Аркадьевича сотрудничать в журнале «Летопись», писал: «К Вам обращается человек, очень многим обязанный в своем духовном развитии Вашим мыслям, Вашим трудам».

Авторитет Тимирязева у передовых писателей был всегда велик, и они всеми силами поддерживали ученого в борьбе с реакцией. Вышедшие недавно тома полного собрания сочинений Антона Павловича Чехова, в которых многое опубликовано впервые, дают возможность проследить за перипетиями одного из эпизодов этой борьбы.

В 1891 году вышла в свет брошюра Тимирязева «Парадия науки». Дельцы из Московского зоологического сада для рекламы организовали зоологическую и фитобиологическую станцию. Это предприятие возглавил один из лидеров антитимирязевской «школы» — профессор Богданов. Брошюра Тимирязева была направлена против этого шарлатанства, компрометировавшего его проект организации опытной ботанической станции.

Может показаться странным, что эта — по своему содержанию и размеру газетная — статья была выпущена отдельной брошюрой, а не была напечатана в журнале «Русская мысль» или в профессорской газете «Русские ведомости», в которых в то время сотрудничал Тимирязев. Тем более странным казалось это современникам.

Ответ на это недоумение можно найти в одном из писем А. П. Чехова, который горячо поддержал выступление Тимирязева.

«За сим посылаю Вам злобу дня, брошюрку нашего московского профессора Тимирязева, наделавшую много шума. Дело в том, что у нас в Москве и в России вообще, — писал он 28 августа 1891 года, — есть проф. Богданов, зоолог, очень важная превосходительная особа, забравшая в свои руки все и вся, начиная от зоологии и кончая российской прессой. Сия

особа проделывает беззаканно все, что ей угодно. И вот Тимирязев выступил в поход. Напечатал он свою статью в брошюре, а не в газете, потому что, повторяю, все газеты в руках Богданова... Как добавление к брошюре, посылаю заметку».

Эта заметка-фельетон называлась «Фокусники». Автор безоговорочно присоединился к Тимирязеву и подкрепил его обвинения документированными фактами. Фельетон Чехова, напечатанный в столичной газете, произвел «эффект бомбы», хотя ни читатели, ни сам Тимирязев не знали имени автора.

Подпись Ц. ничего никому не могла объяснить.

Чехов настаивал на сохранении инкогнито по причине, которая достаточно ярко характеризует академическую атмосферу того времени.

«...автор должен быть неизвестен, — писал он, — ибо Богданову известно, что Вагнер живет с Чеховым, а Вагнеру надо защищать докторскую диссертацию и т. д. — и ради грехов моих Вагнеру могут без всяких объяснений вернуть назад его диссертацию»¹.

Через двадцать пять лет Тимирязев написал М. П. Чеховой: «Приношу Вам глубокую благодарность за присланную мне крайне для меня интересную статью Вашего незабвенного брата. Статья эта была для меня долгие годы загадкой, пока Антон Павлович не разрешил ее мне лично при встрече в редакции «Русской мысли»... последним результатом деятельности проф. Богданова было то, что я был выгнан из Петровской Академии да и ее прикрыли...»

Теперь академия, из которой в свое время изгоняли Тимирязева, с гордостью носит его имя.

Не только эта академия, но и десятки колхозов названы именем Тимирязева. Это — еще одно живое свидетельство сложившегося в нашей стране всепобеждающего единства, союза труда и науки, которые, как мечтал Климент Аркадьевич, осененные общим крас-

ным знаменем, символом мира всего мира, все превозмогут, все пересоздадут на благо всего человечества.

Много сил, энергии, страсти отдал великий ученый борьбе за мир. Призывом к всеобщему миру заканчивается его знаменитая лекция о борьбе с засухой.

Отвечая тем, кто заявлял, что первая мировая война велась против немецкого милитаризма, Тимирязев писал:

«Не против милитаризма велась она, а за милитаризм владык Lombard Street (улица в лондонском Сити, финансовый мир Англии. — Г. Ф.), к которым не замедлили присоединиться и владыки из Wall Street (Уолл-стрит. — Г. Ф.), и против назревающей общей социалистической революции».

В своей замечательной статье девятнадцатого года «Русский англичанину об ин-

тервенции» Тимирязев, обращаясь к англичанам, спрашивал: «Неужели ваши Ллойд Джордж и Черчилль (Дарданельский) думают, что дело их рук окончательно и не обратится на их головы (или, вернее, на голову народа, им повинующегося)?»

И живи Тимирязев сегодня, когда снова все силы мрака ополчились против социализма и науки, разве не повторил бы он слов, сказанных им в январе 1917 года: «...дипломаты ведут свой народ с завязанными глазами до самого края пропасти, в которую его моментально сталкивают... Вот почему очевидно, что на борьбу с войной можно рассчитывать не во время войны и даже не после нее, а только предотвратив ее возможность устранением тех, чья специальность — спускать с цепи этого демона войны».

¹ В 1902 году в «Вестнике Европы» Боборыкин напечатал роман «Исповедники». В этом романе под фамилией профессора Грязева он вывел Тимирязева. И, желая поспорить с ним Чехова, устами этого Грязева выругал «Трех сестер». Однако Чехов разгадал этот ход «доброжелателя» и в письме к О. Л. Книппер из Ялты 2 февраля 1902 года написал: «Боборыкин... взял да и обругал меня в «Вестнике Европы». За «Трех сестер». У него, в романе мою пьесу ругает Грязев профессор, т. е. Тимирязев, человек, которого, кстати сказать, я очень уважаю и люблю». Любовь эту не удалось, как видим, разбить Боборыкину.